

НАЯ ГЕЯРОВА

Сияние лилии

Институт проклятых

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г27

Серийное оформление — *Василий Половцев*

Иллюстрация на обложке — *Ирина Круглова*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Геярова, Ная.

Г27 Институт проклятых. Сияние лилии : [роман] /
Ная Геярова. — Москва : Издательство АСТ, 2019. —
320 с. — (Волшебная академия).

ISBN 978-5-17-117051-6

Родители, которых я никогда не видела, наградили меня родовым проклятием. Я суккуб. Но главное мое наказание в том, что я постоянно оказываюсь в ненужное время в ненужном месте. Так однажды я и очутилась в Институте проклятых. Здесь мне предстоит не только научиться управлять своим проклятием и доказать, что я не убийца, но и заодно разобраться, кто виноват в смерти сына советника. А тут еще тайны ректора, в которые я не могла не ввязаться, в то время как за мою голову уже назначена цена.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-117051-6

© Н. Геярова, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ГЛАВА 1

Волны плескались, пузырились на кальке, лизали мне пятки, окатывали лодыжки. Я довольно потянулась и, смочив напоследок лицо, поднялась. Холодная вода остудила разгоряченную кожу, но от жара продолжало давить виски. Барабанной дробью стучало в затылке. Перед глазамиплыли лиловые разводы.

— Найли!

Я обернулась, мокрые волосы хлопнули по спине. Тонкая рубаха облепила тело.

Мика стоял у деревьев, глядя на меня с немим восхищением на лице. И с глумливой, если не сказать, похабной ухмылочкой.

Я быстрым движением выжала юбку, собрала волосы в пучок, закрепляя их на затылке деревянной заколкой. Встряхнула одежду и уверенно направилась к просеке. Мика сделал быстрый шаг наперерез, выставил руки, преграждая путь. Как же, сын лорда Крэйка — канцлера короля Киллиана. И хотя самого лорда я ни разу не видела, поговаривали, что он обладал удивительной силой и тайными магическими знаниями, а также отличался высокой нравственностью и строгостью к сыну. Именно потому Мика и пребывал в Арине — поселке небольшом, хоть и вполне благосостоятельном. Вот только сын пошел не в отца. Он не перенял ни магических сил, ни знаний, ни нравственности. Зато с удовольствием не пропускал ни одной юбки. По делам политическим и государственным сам лорд никогда не

появлялся в Арине, о жене его и вовсе ничего не было известно. Пожилая нянюшка, оставленная следить за отпрыском, только и успевала строчить письма в город. А соседки — лупить своих дочерей.

Сейчас взгляд Мики, как, судя по всему, и недалекие желания, был направлен на меня. Смотрел он не только с похотью, но и с собственным превосходством. А у меня в висках стучало так, что взор становился мутным и весь мир казался переливающимся лиловыми отсветами.

— Уйди с дороги! — прошипела я, лоя обжигающий воздух.

Жар, непереносимый, ломающий тело. Мне исполнилось шестнадцать, когда он впервые прошелся по всему телу и больше не отпускал. Иногда казалось, будто кровь кипела, обжигающе стучала в виски, а воздух казался разгоряченным настолько, что я не могла дышать. Тогда я бежала к озеру, забиралась в холодную воду и лежала, пока не становилось хоть немного легче.

Мика усмехнулся. Прыгнул вперед и схватил меня за руку, привлекая к себе хозяйским жестом. В моих глазах полыхнуло, я успела упереться руками в его грудь.

— По-хорошему уйди! — прохрипела я срывающимся голосом, осознавая то, что произойдет дальше, внутренне содрогаясь и желая одновременно. А потом... Потом жар пропадет на месяц, а может, два, мир станет обычным, я смогу свободно дышать и жить. Вот только...

Мика притянул меня сильнее, пальцы с силой сжали талию, скользя под влажную рубашу, вторая рука схватила за волосы, запрокидывая голову, не позволяя вырваться.

— Найли, я же сватов зашлю... Это другие так... А ты!.. — сообщил с придыханием.

ИНСТИТУТ ПРОКЛЯТЫХ. СИЯНИЕ АМАИИ

Сватов? У меня закружилась голова. Зашлешь ты сватов, как же! А то попусту по весне Римка ревела в голос и чуть руки на себя не наложила, а после и подруга ее Катарина. А уж сколько еще было сломленных девичьих душ, поверивших и отдавшихся в руки Мики? Только богам и известно.

— Не верь, никому не верь, — жарко шептал он и все крепче прижимал меня к себе. — Я же тебя жду, мне никто не нужен.

— Уходи! — прошептала я, почти не слыша собственного голоса от внезапного звона в ушах.

Все.

Еще минута, и я уже не смогу контролировать себя. А он все стоял, в глаза заглядывал, руки ласкали разгоряченное тело, оставляя следы от жестких пальцев.

Я все-таки попыталась вырваться.

Мика резким движением толкнул меня к дереву и прижал к нему спиной.

— Не сопротивляйся, маленькая! Ты же знаешь, за мной как за стеной будешь, всю жизнь бед не знать. У меня дом в городе, отец купил. А если захочешь, здесь останемся. — Он дрожал всем телом, осыпая мое лицо поцелуями.

Я держалась. Пыталась держаться. Но его губы коснулись моих губ. И мир взорвался фейерверком. Остались только лиловые разводы, видимые мною вокруг его тела. Яркие вспышки жизненной силы. Я задрожала, но не от страсти, а от внутреннего ужаса — чувствуя, как потянула от него жизненную силу, так требуемую моей сути. И остановиться я уже не могла. Я больше не сопротивлялась. Смотрела в глаза Мики и знала, что он в них видит просто с ума сводящую страсть, переливающуюся лиловыми разводами в глубине зрачка.

— У тебя самые прекрасные глаза в мире!

Последнее, что он успел шепнуть, прежде чем я отвела на его поцелуй.

«Еще бы!»

Я сама обхватила его руками, крепко прижалась к безвольному телу и, чувствуя его губы, вдохнула. Торопливо стянула с него рубашку, чтобы ощущать кожу. Мне было так нужно. Я просто хотела его. Всего... До последней капли. Это было так восхитительно, прекрасно, вкусно! Не остановиться.

Жар прошелся по всему телу и стукнул в затылок. Я дышала Микой, чувствуя во рту туманящий разум вкус жизни. Его жизни.

Мика содрогнулся, теряя стойкость, руки уже не скользили по моему телу, а судорожно хватались за него. Я дышала! Я наслаждалась... Пока он не обмяк в моих руках. И только тогда отпустила его. Мика рухнул у моих ног. А я все еще не могла прийти в себя, голова кружилась от упоения его вкусом. Жар отступал медленно, даруя чувство полного удовольствия. А уж как хорошо и воздушно было в теле! Я облизнулась, снимая с губ последние искристые капли. Подняла взгляд на солнце. Яркие, лилово-оранжевые лучи меркли, приобретая вполне обычный вид. И как только они стали блекло-желтыми, пришло осознание. Я успела зажать рот руками, приглушая собственный крик. Мика лежал на земле, потерянным взглядом смотря в затухающее солнце. На лице его блуждала растерянная улыбка.

Я отпрянула в сторону, пугливо озираясь. Сделала несколько боязливых шагов от дерева, подхватила юбку и бросилась к поселку. Пробежала околотками, перепрыгнула через невысокий заборчик на задах собственного дома и мышью юркнула в приоткрытые двери.

ИНСТИТУТ ПРОКЛЯТЫХ. СИЯНИЕ АМАМИ

Только бы тетушки не было. Она увидит и поймет по ярким всполохам в зрачках, по разом посвежевшему виду. Последний раз поленом отходила. Если бы не Хилда, бросившаяся на помощь, забила бы до смерти. Я метнулась в кухню, потом в залу, прислушалась к звукам в доме. Тетушки не было.

В этот момент далеко у реки раздался крик, а следом утробный вой тетки Феоб, нянюшки Мики. И почти одновременно с этим в комнату вбежала Хилда. Бросила быстрый взгляд на меня. Я всхлипнула, прыгнула в кресло и оттуда смотрела на нее взглядом загнанного зверька.

— Я не хотела! Он приставал! — выкрикнула через слезы.

Хилда, мгновенно побледнев, всплеснула руками, не сказав ни слова, кинулась наверх в комнату. Выбежала через минуту, таща небольшую сумку и на ходу засовывая в нее плащ.

— Бери! — начала вытряхивать из кармана монеты. — Здесь до Дарина хватит. Уедешь к отцу. Я уже год с ним переписываюсь втайне от матери.

Она бросилась к тумбе у окна, схватила перо и на вырванном из тетради листе начала быстро писать. Вернувшись, сунула написанное в мои дрожащие руки.

— Отдашь ему. Здесь и адрес записала.

Я вспыхнула от негодования.

— Но он же сам!

Хилда опустила у кресла. Тоскливо улыбнулась, заглянув в глаза.

— Лорд Крэйк за сына... — Она сжала мою ладонь худыми пальцами. — Разбираться никто не станет. Второй человек в королевстве, не считая самого императора. У него связи такие, — вздохнула. — Мать вернется, я скажу, что ты уехала в соседнее село на яр-

марку. Она только рада будет, если ты пропадешь. Про отца она ничего не знает, даже и не подумает.

Меня затрясло. Я вскочила. Хилда права, разбираться никто не станет. Да и что значит слово простой девчонки против сына канцлера. А тетушка... Своего неприязненного отношения к внезапно свалившейся на голову племяннице она не скрывала. Никто не станет за меня заступаться. А значит, остаток жизни я проведу в лучшем случае за решеткой, в худшем... Мне даже думать не хотелось, что может со мной произойти в худшем случае. Впопыхах я схватила собранную сестрой сумку.

Хилда поднялась. Вытерла ладонью слезы с моего лица, поцеловала в щеку. Я не выдержала, порывисто обняла сестру.

— Уходи через задний двор, — напутствовала меня уже на пороге. — В поселке двуколку не нанимай, по дороге с попутчиком до города добирайся, — быстро заморгала, на глаза накатились слезы. — Дай бог, все у тебя хорошо будет. А я свечку за тебя поставлю и молиться буду. — Еще раз на прощание порывисто обняла и подтолкнула к выходу.

Я проглотила слезы, стоявшие в горле, едва смогла благодарно прошептать:

— Спасибо, Хилда. И прощай!

После чего бегом бросилась к лесу. Уже заходя за деревья, оглянулась. Тихий поселок с небольшими одно- и двухэтажными домиками, с ухоженными двориками и довольно дружелюбными людьми. Синие крыши домов, лазурные берега озера. Сердце защемило, невыразимая боль сдавила душу. Сердце тоскливо стукнуло в ребра. В тяжелом предчувствии я махнула поселку рукой.

«Прощай, я буду скучать».

Развернулась и скрылась за деревьями.

День клонился к закату, когда я вышла к дороге. Оставалась слабая надежда поймать проходящую в город двуколку или, на худой конец, припозднившуюся телегу, идущую с поселковой ярмарки. Я посмотрела по сторонам и, никого не увидев, побрела по краю дороги. Ветер тербил мне волосы, покачивал ветви огромных многовековых сосен, разгоняя птах. Солнце сонно клонилось к горизонту, светило рассеянными закатными лучами, окрашивая в розовый низкие кучковатые облака. Чем ниже опускалось светило, тем быстрее был мой шаг. Я боязливо посматривала на затухающий горизонт. Дороги Девана славились мрачными историями. И были они отнюдь не о разгулявшихся в лесах разбойниках. Рассказывали поселковые про жутких монстров, выходящих из глубоких нор, о птицах, несущих за собой гром и молнии. Поговаривали о встающей по ночам нежити, жадной до плоти, о страшных упырях, желающих крови. И много о ком еще. Верить в эти рассказы можно было с большой натяжкой. Куда как более вероятно наткнуться на дреу или озлобленного гоблина. Хотя и эти со времен правления семьи Киллиан поутихли. Дороги находились под надзором стражей, а с приходом последнего наследника крови, лорда Истера, по поселкам потянулись дозорные. Он и сам нередко заглядывал в местные уголья. Его я помнила хорошо. Высокий мужчина с властными карими глазами, огненно-рыжими волосами и твердой уверенной походкой. Было в нем нечто, не просто заставляющее трепетать, но даже испуганно прятать взгляд. Странная, словно волной следующая за ним грозная мощь. Боялись нынешнего императора, если и были какие разговоры о нем, то только шепотом и в кругу семьи.

Я вздохнула. Какой бы порядок в стране ни навел правитель Киллиан, а мне было страшно. Нет, я не ожидала, что на меня вдруг нападут, и уж тем более не думала о нечисти, возможно, прячущейся за теньями деревьев. Я впервые оказалась так далеко от родного поселка, одна. Да еще и ноги разболелись. Сквозь тонкую подошву замшевых туфель чувствовались острые придорожные камни. Я шла хромая, проклиная любвеобильность Мики и свой темный дар. Если бы не последний... Интересно, кто из родителей наградил меня им? А может, это и не дар крови, а чье-то злое проклятие? Тогда почему оно передалось мне? Что сделала я или мои родители? За что наказана?

Я прислушалась к себе. Кроме усталости в ногах, ощущения были вполне бодрые. И это — пройдя пешком не менее десяти миль. А ведь любая другая поселковая барышня уже рухнула бы в лесу от усталости. Но я шла. Вздохнула. Лучше бы тело грызла боль и от жара ломило суставы, но это бы происходило дома. В уютном кресле, с чашкой терпкого успокаивающего чая, настоянного на травах, и сладкой плюшкой, выпеченной Хилдой. А что теперь? Дорога в чужой город, к дядюшке, которого я почти не помню. В кармане лежала записка Хилды, но мне это уверенности не придавало. С какой стати он должен принимать некую дальнюю родственницу? По просьбе дочери? Той самой, с которой он общается не больше года? Нет. Не верилось мне, что я найду у дядюшки приют. И как-то нехорошо сжималось в предчувствии сердце. Ведь если я права, то это поход в никуда, и ничего меня там не ждет. А все оттого, что никому не нужна. Я даже носом шмыгнула. Осталось слезу пустить. Но та не наворачивалась на глаза, не застилала взор, а застревала горечью в горле и там стояла. Я даже

ИНСТИТУТ ПРОКЛЯТЫХ. СИЯНИЕ АМАИИ

выплакаться не могла, как нормальная барышня. От самобичевания меня отвлек медленный перестук копыт позади.

Двуколка? Телега?

Я радостно обернулась. И тут же испуганно шаркнулась на обочину.

Две пегих лошадки понуро тянули черную, словно гроб, зарешеченную карету.

— Тпру! — Извозчик, мужик в темной шляпе и черном плаще, натянул поводья, останавливая копытных напротив меня. Цыкнул в седую бороду.

— В город? — проговорил на грубом северном диалекте.

— В город. — Я на всякий случай посторонилась. Жутковатый вид был и у кареты, и у извозчика. Последний почувствовал мое замешательство, почтительно снял шляпу, обнажая лысую голову. Кивнул и улыбнулся, во рту блеснули железные зубы. Ком, стоящий у меня в горле, провалился в желудок и оттуда испуганно икнул. Я отступила еще на пару шагов, запуталась в юбке и шлепнулась на землю.

Улыбка у извозчика пропала, он шустро соскочил с козлов и одним широким шагом приблизился ко мне.

— Что же вы так неосторожно, барышня! — протянул крупную ладонь, помогая мне подняться. — Вы меня не бойтесь, я только внешне страшный. — На красном лице снова растянулась улыбка, чуть растерянная.

Я молча поднялась. Вблизи извозчик и правда не казался страшным, было в его лице даже что-то добродушное.

— Издалека? — продолжал он, неловко пытаюсь помочь мне отряхнуться.

Я не ответила. Мало ли. Может, меня уже ищут.

— Да, впрочем, мне все равно, — махнул он. — И так вижу, издалека, — сделал приглашающий жест в сторону траурно-черной кареты.

— Садись, подвезем!

— Не... не надо!.. — мой голос задрожал. И в голову полезли самые малоприятные мысли. Я покосилась на карету, с ужасом представляя его пассажира.

Извозчик проследил за моим взглядом и рассмеялся открытым, добрым смехом.

— Не кусается он, совсем безобидный. Как бы ты сама его не покусала. В город, в институт везу.

Я недоверчиво сузила глаза.

— А решетка зачем?

Извозчик потер усы и направился к повозке.

— Чтобы не сбег. Родитель желает, чтобы чадо училось.

— А чадо не желает? — Тут уж я усмехнулась, разглядывая крепкую карету и толстые прутья решетки.

Извозчик похлопал пегую лошаденку по толстому крупу. Та качнула головой, будто спрашивая: «Чего стоим?» Мужик обернулся ко мне, почесал в затылке.

— Кто его знает, чего нынче молодежь желает, а чего нет. Вот ты чего хочешь?

Я растерялась. Промелькнули разом сквозь призрачные воспоминания все прожитые годы. Вечно недовольная Инди. Синяки от ее побоев. Заступающаяся за меня Хилда, и иногда по той же причине тоже ходившая с синяками от тяжелой руки матери. Я, корчившаяся на полу в гостинной, ехидный смех Инди.

— Сдохнешь со своим даром, как и родичи твои!

Хилда плакала, поливала меня водой из старого ведра, накладывала мокрые тряпки на пылающее огнем тело.

ИНСТИТУТ ПРОКЛЯТЫХ. СИЯНИЕ ЛИЛИИ

А потом была первая жертва лилового дыхания. Нет, я не убила. Едва тронула. Какой-то заезжий, нечаянно встретившийся в переулке, он даже не заметил.

Зато заметила тетушка. Дикая злоба на ее перекошенном лице, когда я вошла вся обновленная, с сияющей кожей и пылающими лиловым зрачками.

— Глаз-то не было, чтобы видеть, с кем повелась! Дура мать твоя.. — с ненавистью выплонула мне в лицо. И просто ушла, сжав кулаки и трясаясь от бесильной злости. Это бы единственный раз, когда Инди смогла сдержать ярость. Я машинально коснулась пальцами ребер. Сколько раз по ним прошлись кнутом, поленом и всем, что попадало под руку Инди. Оставались тонкие рубцы, неровные шрамы. Они проходили, стоило мне позаимствовать хоть немного чужой силы. Вот только исчезали они с кожи, а в душе так и оставались, кровоточили и разрастались в один большой багряный рубец.

Что я хочу? В глаза мне светили последние лучи уходящего на покой солнца — бледные, тусклые, едва ли дающие тепло. Мертвые лучи.

— Одиночества, — проговорила я чуть слышно. — Спокойствия. Свободы от... — осеклась, потупила растерянно взгляд. Надо же, расчувствовалась!

Извозчик кашлянул в руку. Нахлобучил шляпу на голову, уже из-под ее широких полей бросил хмурый взгляд.

— Обидел, что ль, кто?

Я не поднимала на него взгляда и уже сожалела о вырвавшихся словах. Сейчас расспрашивать еще, не дай нечистые, начнет.

— Оттого и в город подалась? — подтвердил мои опасения извозчик.